

Вьяса

XXI ВЕК.

Инструкция по обживанию

(фрагмент)

Посвящается всем

Предисловие

*Если бы жизнь могла говорить
(Или хотела) простым языком,
Она б сказала тебе: «Вот дары.
Канализируй, не стой столбом.*

*С этого сопла выходит пиф,
А из того вылетает паф.
Одновременно подвозит лифт
Чувство, что ты, вероятно, прав».*

*Но оглушительный водоворот
Вместо.
Но запечатанный жизни рот,
Смутные жесты.*

*Тридцать три корабля
Лавировали-лавировали.
Тридцать три богатыря
Канализировали-канализировали.*

*Двадцать первый век.
Мы на острие.*

Будучи автором этого стишка, могу пояснить, что означает «острие». С одной стороны, это накопленный всечеловеческий опыт и знания, в первую очередь, в области психологии и идеологии в самых широких их смыслах; с другой, это совокупность психологических и идеологических проблем в мире, как личных, так и коллективных, которые достигли или вот-вот наберут критическую массу — исхожу из того, что все остальные проблемы суть их производные. Некоторые философы, провидцы и духовные лидеры, ныне здравствующие или дышавшие земным воздухом не далее, как «вчера», дали себе труд обобщить довольно... непростое положение вещей на Земле и предложили человечеству свои «дорожные карты». Я же, перебрав некоторое их количество, остановился на *Розе мира* Даниила Андреева, *Почему мы не можем быть хорошими?* Джейкоба Нидлмана (Jacob Needleman, *Why Can't We Be Good?*), избранных работах Карла Юнга, а также *Метасовременной эпохе* и лекциях Нирмалы Шриваставы (Nirmala Shrivastava, *Metamodern Era*), более известной как Шри Матаджи Нирмала Деви. Многие мысли Клайва Стейнлза Льюиса, Антуана де Сент-Экзюпери, Григория Померанца, Виктора Франкла, Шри Раманы Махарши и некоторых других также пришлось очень кстати. Знакомство с основными священными текстами как бы идёт по умолчанию. Всё это, в конечном итоге, было пропущено через моё, смею полагать, небезнадёжное восприятие и некоторую духовную опытность и синтезировалось во что-то вроде путеводителя для жизни в современном мире или, по крайней мере, понимания себя и своего места в нём. За основу этого труда была взята уже ранее написанная мной *Книга-беспокойство*, в общем, самодостаточная вещь, но я решил предложить читателю её расширенную, «разжёванную» версию. В этой связи, стало уместным дать ей новое, более подходящее и,

вместе с тем, более претенциозное название — *XXI век. Инструкция по обживанию*.

О структуре *Инструкции*. В отличие от инструкции в общепринятом понимании этого слова, где ясность, лаконичность и чёткая логическая последовательность ставятся во главу угла, линия повествования в *Инструкции* идёт довольно размашисто и извилисто, то и дело занырявая в «кармашки» из цитат, в т.ч. весьма развёрнутых (для удобства, для них будет использован отдельный шрифт), испещряясь стихами (в основном, моего сочинения), поворачивая то в одну сторону, то в другую. Какая-то логика во всём этом всё же имеет место быть, и даже есть разделение на главы: «Космология», «Религиоведение», «Гносеология», «Методология» и «Послесловие». В самом конце читателя ожидает сюрприз, хотя слово «сюрприз» слишком легковесно для того, что скрывается за решёткой букв.

Карл Юнг в своё время колебался в выборе стиля для своих работ, вначале склоняясь к пророческо-патетическому, но после предпочёл более нейтральный, наукообразный тон. Я же, с одной стороны, бегу академического языка, в т.ч. правил цитирования и оформления списка литературы, при этом, однако, отдаю должное правилам правописания и вообще хорошего тона. С другой — стараюсь не слишком ударяться в патетику и дидактику. В этой связи, если какие-то экстраординарные вещи будут проговариваться слишком буднично, пусть читателя это не удивляет. Вообще, *ординарного* здесь будет мало.

Возвращаясь к *Почему мы не можем быть хорошими?* Нидлмана, в своё время у меня не получилось издать перевод этой книги из-за нежелания соответствующих российских издателей идти на финансовые риски и отсутствия этих самых финансов у меня. Я постарался, чтобы *Инструкция* вобрала из неопубликован-

ной книги самые «сливки», так что опосредованно и без особого ущерба читатель сможет с ней ознакомиться через *Инструкцию*, если последней суждено выйти в печать (читатели электронных книг оказываются в выигрыше в любом случае). Права американского правообладателя Penguin Random House при этом формально нарушены не будут. Хотя, учитывая исключительную важность того, о чём пишет Нидлман, соблюдение их прав меня волнует в третью или тридцать третью очередь.

Надеюсь, у меня получилось достаточно заинтриговать читателя, чтобы он не ограничился одним только предисловием. Со своей стороны, предъявляю ему одно, но очень весомое требование — вдумчивость. Памятуя о некоторой разочарованности Юнга в способности людей *думать*, а не просто *судить*, а также имея некоторые личные наблюдения на сей счёт, особых иллюзий здесь не испытываю. И всё же...

Июль 2023 г.

Космология

По Даниилу Андрееву, дышавшему воздухом (главным образом, тюремным) ещё каких-то 70 лет назад, мир, в котором мы живём — многослоен, и если воспринимаемую пятью чувствами физическую реальность или «Энроф» взять за точку отсчёта, то восходящим каскадом от него будут идти миры просветления, вплоть до тончайших палат Всевышнего. Им, с исподней стороны Энрофа, противовесят и противостоят грубоматериальные, низкочастотные, «инфрафизические», в самых своих низах — тёмные демонические миры. Как и почему произошло это разделение, Андреев описывает в своём главном труде *Роза мира*. Достаточным здесь будет сказать, что в незапамятные времена высшими Божественными иерархиями было принято решение *эволюционно* просветлять искажённый и осквернённый демоническими влияниями материальный мир (отношение «хищник-жертва» является одним из наиболее ярких тому примеров) вместо того, чтобы, образно выражаясь, всё скóмкать и сотворить что-то новое с чистого листа. В этой эволюции, человеку, как существу, прошедшему путь от амёбы до его нынешнего состояния, отведена ключевая роль — именно через его посредство должна просветиться грубая материальность, а тем тёмным слоям, тому áду, что просветлению не

подлежит, уготован окончательный «развод» с раем — уничтожение либо полная закупорка с последующим варением, что называется, в собственном соку. Этот развод, к примеру, соотносится со Страшным судом в христианстве или Днём воскресения — в исламе. Со своей стороны, могу предложить стихок «по мотивам»:

*Всё, что было на дне, все подонки, весь ил,
Выбурлилось в грязную пену, в смрад,
Выругалось чем-то похожим на мат,
Вырисовалось в человеческий силуэт,*

*Нет, их была тьма, имя им — легион,
Легионеры, восстав из мутной бурды,
Харкнули в Небо, тыкнули Небу: «Ну ты!»,
Ну, а затем, канаве дали обет:*

*я) возлюбить свою низость
ю) возлюбить свою мерзость
э) возлюбить свою смрадность
ь) возлюбить свою пошлость
ы) возлюбить свою грубость
ъ) возлюбить свою жестокость
щ) возлюбить свою безблагодатность
ш) возлюбить свою презренность
ч) возлюбить свою закоренелость
ц) возлюбить гнилой сыр с копошащимися в нём
личинками червей*

*Небо висело между делом,
Недосягаемое для плевков,
Небо висело и смотрело
На это сборище дураков.*

*Небо смотрело удивлённо
На весь восставший со дна ил
И одному из приближённых
Велело, чтобы он спустил*

Верёвочку для тех, кто нарушит обет.

Просветлению материи, собственно, должно предшествовать просветление человеческого сознания, если быть более точным — внимания:

*Ведь внимание — это такое поле математических точек;
Точки размазываются по телу, чувствам всяким и мыслям;
Точки могут закуриваться в теле и дальше по списку;
Точки куда-то направляются и возвращаются с неким уловом;
Внимание суть поле битвы между разными центрами силы;
Очень нужны для внимания хорошие лобные доли;
Слишком рассеянное внимание делает Вас глуповатым;
Слишком большая концентрация делает Вас односторонним;
Между односторонностью и глупостью — разница не слишком большая;
Бог собирает внимание правильным калейдоскопом;
Только Бог собирает внимание правильным калейдоскопом;
Для этого трепетно Богу приносят внимание в жертву;*

*Жертва внимания полезней заклания стада бизонов;
Жертва внимания лучше, чем жертва на
строительство храма;
Возможно, внимание связано как-то с бозонами
Хиггса;
Контроль за своим вниманием — это главный долг
человека;
Расслабить внимание в Боге есть величайшая
радость.*

*Ну, а теперь возвращайтесь к недорезанным Вашим
баранам.*

К роли внимания обязательно вернусь через пару-тройку глав. Из каких же компонентов складывается человеческое сознание или, лучше сказать, *самость*, т.е. психологическая целостность индивида — буквально «за поворотом».

В моём конспекте идей Даниила Андреева пока что не прозвучало ничего такого, с чем не согласились бы многие другие вероучения, особенно претендующие на роль «интеррелигии». Однако, в отличие, скажем, от Елены Блаватской с её теософией или Ауробиндо Гхоша с его интегральной йогой, в чьих космологиях нет чёткого водораздела между Богом и дьяволом, мир Андреева — дуалистичен в том смысле, что дьявол не является некоей «левой рукой» Бога («Бог есть свет, и в Нём нет никакой тьмы»). В то же время, Андреев говорит о вынужденности «сынов Бога», т.е. демиургов, участвовавших в создании материального мира и руководящих судьбами вверенных им на Земле народов, породить так называемых «уицра-óров», демонов государственности, для защиты этих народов от внешних угроз. Во многом, это усложняет задачу

просветления материи, поскольку уицраоры склонны выходить за рамки своего «ареала», т.е. расширяться вовне без высшей на то санкции. Необходимо также сказать, что этим демоническим или полудемоническим существам присуща тираническая тенденция, и о нравственности они имеют самое смутное понятие. В заложниках уицраоров, таким образом, оказываются сокровенные «души» народов — спутницы или супруги демиургов, призванные облагораживать человека через красоту и любовь. В этом свете, Елена Прекрасная, томящаяся в темнице Кощея, или Сита, «гостящая» примерно в таких же условиях в замке демона Раваны, могут являть собой не просто сказочных или мифических персонажей, а вполне себе метафизическую реальность. На «поверхности» же, т.е. в мире физическом, Энрофе, чрезмерная, несанкционированная активность уицраоров-кощеев будет выражаться как шовинизм всех мастей, сакрализация власти вне зависимости от её действий, общая грубость нравов и эстетическая притуплённость.

Согласно Андрееву, в исподнем мире помимо уицраоров наличествуют иерархии посерьёзнее, в частности, главный антагонист Бога — дьявол, он же Люцифер, Гагтунгр или Великий Мучитель, собственно, и заваривший кашу с искажением материального мира эоны тому назад. Поскольку дьявол не бездействует, просветление человеческого сознания и вместе с ним материи усложняется ещё больше, особенно, если человек не вполне осознаёт, в чём состоят пути Света и тьмы, и что привычная многим «серая зона» существования между Светом и тьмой, иными словами, отсутствие твёрдого «да, да» или «нет, нет» по важнейшим философским и нравственным вопросам жизни, скорее, играет нечистому на руку (более подробно об этом при рассмотрении юнгианского понятия «тени»). А пока — ну да, стихок:

*Да, я — серый, но зато
У соседа оттенок темнее.

У соседа темней, но зато
У того, что дальше — грязнее.

У того грязней, но зато
Тот, что ближе к хвосту — чернее.

У того черней, но зато
Самый хвост не станет белее

Никогда и ни за что —
Беспросветностью собственной греем

И немножко адовым тлом.
Так что мы спокойно белеем

На том фоне и делаем то,
Что обычно, то есть сереем,

Хотя если смотреть под углом
Белизны, вероятно, чернеем,

Устилаем грязным ковром
Нисходящие плавно ступени

В то отверстие, что под хвостом,
В том числе, у благородных оленей.*

Стоит особо остановиться на разделении Даниилом Андреевым религиозных учений на религии правой и левой руки. Если вкратце, религии правой руки, к коим относятся основные мировые религии, ведут своих приверженцев по мирам восхождения или, по крайней мере, открывают им туда двери, тогда как религии левой руки заводят в миры тёмные, демонические. Ради справедливости нужно сказать, что это разделение не

является каким-то новшеством Андреева. Например, в Коране говорится о владыках правой стороны, т.е. тех, кто в День воскресения окажется в раю, и владыках левой стороны «в самуме и кипятке, и тени чёрного дыма, ни прохладной, ни благой», проще говоря — обитателях ада. Индуистская тантра подразделяется, опять-таки, на правую и левую руку: судя по их методам и плодам, с некоторой натяжкой к ним также можно применить означенный принцип. Сам Андреев популярно не объясняет, какие тонкие, глубинные процессы кроются за этой несколько причудливой развилкой между «пойдёшь направо» и «пойдёшь налево». Со своей стороны, постараюсь восполнить этот пробел, поскольку считаю это исключительно важным для понимания устройства жизни в общем и человеческой в частности. Для этого мне понадобятся несколько глав из «Книги-беспокойства».

«««« »»»»

В одной из школ суфизма, «глубоководного» течения ислама, самый страшный грех — быть оскорблённым. Возможно, это вызовет недоумение у тех, кому созвучно более привычное и понятное «Не убей», «Не прелюбодействуй» и т.д. Суфийская заповедь заходит издалека.

Говорят, Бог есть истина. И ещё, что Бог — непоругаем. Следуя этой логике, истина — непоругаема. Продолжая в том же ключе, тот, кто стоит на истине, также становится непоругаем, и, в этом смысле, оскорбление есть ничто иное, как проверка его духовных основ. По сути, непоругаемость означает сохранение покоя. После всех этих выкладок можно сказать, что покой есть признак истинности или истины в некоем абсолютном значении. Если более «светским» языком: собака лает — слон идёт.

Однако, покой не исключает какой-то событийности или «колебательных движений». Скажем, волнение на море несколько не противоречит безмятежности его глубин. Точно так же табу на богохульство, к примеру, легко может соседствовать с непоругаемостью Бога. Даже если хула действительно способна вызвать Его гнев, читай, шторм, то это, в первую очередь, чревато для хулителя существенной встряской. Ничто не «прилипнет» к Богу, не повлияет на Его самосознание — в этом проявится Его покой.

Возвращаясь на человеческий план и уже говоря о покое и колебаниях в самом широком смысле, любая потребность, желание, влечение — можно назвать это совокупно «жаждой» — будет нарушать условное равновесие или устоявшийся порядок вещей. Утоление жажды должно возвращать утраченный мир и, возможно, становиться ступенькой для более глубокого умиротворения с присущими ему более утончёнными и возвышенными жаждами и т.д. Утрата покоя и возвращение к нему, обогащённым или опустошённым, создает если не рисунок, то чертёж человеческой жизни.

И снова к высоким материям. Если абсолютный покой, истина и Бог суть одно, наиболее возвышенной можно назвать ту жажду, что утоляется познанием истины, приобщением к извечному покою Бога. Особенность этого покоя, помимо его незыблемости, в том, что он неотделим от радости. К примеру, в философии веданты формула «сат-чит-ананда» — бытие-внимание-радость — описывает природу Бога. Ощущение радости или утоление жажды на более низких ступенях происходит благодаря контрастности переживаний, игре противоположностей, по сути, мужского и женского начал.

Движение от неких имитаций покоя к покою истинному есть «срединный путь», он же «прямой путь», или просто «Путь». На этом Пути означенные начала превращаются в спутников и, в конечном итоге, должны слиться в некое неразрывное целое. В различных духовных традициях им соответствуют *янь* и *инь*, *раджас* и *тамас*, *солнце* и *луна*, *явь* и *навь* и т. д. Тожественным Пути будет *Тай-цзы*, *саттва*, *правь*, *Великое делание*. Выбрав из всего этого многообразия обозначений *солнце* и *луну*, а также *Путь*, пожалуй, двинусь с ними дальше.

Для удобства можно представить ось, читай, *Путь*, вдоль которой обвиваются две спирали, т.е. *солнце* и *луна*, берущие начало у её основания и постепенно истончающиеся по направлению к вершине. Несколько более объёмно это будет выглядеть как ступенчатая, конусообразная конструкция, что-то наподобие буддистской ступы. Так или иначе, при отклонении любой из спиралей всё это, скорее, будет напоминать маятник — на смену союзничеству приходят негативные зависимости. Но об этом несколько позже.

Об онтологических качествах *солнца* и *луны*. Теплота, свет, порядок, жёсткость и лёгкость, присущие *солнцу*, контрастируют с холодом, темнотой, хаотичностью, мягкостью и тяжеловесностью *луны*. Применительно к человеческой психике, главному предмету сего повествования, *солнце* будет выражаться как динамизм, сознательность, самоутверждение, абстрагирование, трансцендентность. *Луна* же будет приносить восприимчивость, инертность, чувственность, эмоциональность, самоумаление, интуитивность.

Можно сказать, что из различных *солнечных* «отсветов»

складываются индивидуальность человека, а *луна* её сопрягает с некоей вещественностью, чувственностью, принадлежностью общему целому. Вместе всё это образует динамическую *самость*: под динамичностью подразумеваются не только текущие, сиюминутные психические состояния, но и восхождение либо нисхождение по оси Пути в долгосрочной перспективе. Кажется, некоторые индивиды оказываются влекомы восходящим потоком, вплоть до Всевышнего или истины, или незыблемого покоя. Среди прочего, это делает их менее чувствительными к каким-то словесным выпадам в их адрес.

Вот почему для некоторых последователей суфийской традиции самый страшный грех — быть оскорблённым.

«««« »»»»

Коль скоро общая динамика *самости* более или менее прояснена, её составные части стоит рассмотреть более пристально.

За исходную точку во всей этой сложносочиненной конструкции можно взять инстинкт самосохранения. Ощущение уязвимости и страх, исходящие от *луны*, сопряжено здесь с *солнечной* реакцией борьбы или бегства. *Животное «я»*.

Следом идёт инстинкт размножения. Мужская или женская, иными словами, активная *солнечная* или более пассивная *лунная* сексуальность обуславливает *гендерное «я»*. Здесь *лунная* чувственность также спаяна с *солнечным* смыслом продолжения рода.

Покорность будет ещё одним качеством *луны*, которая тяготеет к внешнему, *солнечному* источнику силы и авторитета. Его как бы зеркальный *солнечный* аспект,

направленный вовнутрь — стремление к самоутверждению и независимости. «Я» *слуги/хозяина*.

Чувство эстетики и творческое наитие становятся новыми дарами *луны*. *Солнце* их будет «высветлять» в какие-то конкретные, законченные формы и смыслы. «Я» *творца*.

Следующим *лунным* ликом является стремление к накопительству, сбережению и обладанию, а *солнце* будет его переводить на язык символов — имущество, деньги, статус, традиция и т.д. и, собственно, претворять в жизнь. «Я» *обладателя*.

Любовь, более тонкий *лунный* свет, будет сиять несколько выше. В первую очередь, он направляется на ближайший круг, т.е. родителей, братьев и сестёр, далее — на супруга и детей. Благодаря *солнцу* происходит осознание своей роли и обязанностей по отношению к любимым. Иными словами, на этом уровне зарождается любовь и ответственность. *Семейное «я»*.

В *социальном «я»*, чувство материнства, отцовства, братские и сыновние чувства, равно как сестринские и дочерние, суть *лунное* сияние, направляются на людей, не связанных с «я» непосредственными родственными узами. Это происходит благодаря тому, что *солнечные* лучи освещают новые «просторы», что, в свою очередь, позволяют проявиться более утонченному чувству любви, сопричастности, сорадования и сострадания. Тончайшей формой *социального «я»* будет ничем не обусловленное *общечеловеческое «я»*.

Все вышеупомянутые «я» в *самости* показаны не в хронологическом порядке их возникновения и развития, а, скорее, по мере утончения солнечного и лунного света. За

отслеживание и, по необходимости, корректировку развития остальных «я» будет отвечать «я» *созерцательное*, охватывающее их и, одновременно, превосходящее, как бы несколько «парящее» над ними. Память, опыт, ощущение весомости со стороны *луны* вкупе со всеми *солнечными* идеями и принципами будут его столпами.

До сих пор во всех этих «я» не значился *Путь*, который, в идеале, незримой нитью проходит через все смычки *солнца* и *луны*, предотвращая искажения и перекосы в ту или иную сторону. По сути, это означает *гармонию между внутренним и внешним*. В этой гармонии, к примеру, *животное «я»* не будет нагнетать страх или принимать излишние меры для своей защиты без реальной, соразмерной опасности. Или, скажем, *гендерное «я»* будет ограничено узами супружества, понимаемого как союз мужчины и женщины, а также *благоприятными формами сексуальности*, в отношении которых основные мировые религии более или менее сходятся в своих оценках. Иными словами, гармония в границах *Пути* неразрывно связана с понятием «благоприятности», т.е. сплавом нравственности, функциональности и эстетичности.

Если все «я», от низших до более высоких, пребывают в гармонии, это создает наилучшие предпосылки для проявления *Божественного «я»*. Если мне позволено судить об этом уровне, здесь достигается максимально тонкое и целостное восприятие, а сообразные ему действия свершаются в состоянии глубокого покоя. Библейский образ льва и агнца, мирно возлежащих в раю, вполне может символизировать высочайшую гармонию *солнечного* и *лунного* светил. Коран несколько иначе живописует райский сад, однако главная фраза его обитателей — «мир», суть покой. Бхагават Гита говорит о состоянии йоги,

союза с Божественностью, как о «действии в бездействии». Если под бездействием понимать совершенный покой, а не бездельничанье, в общем, вырисовывается та же самая картина. Помимо прочего, всё это прекрасно согласуются с суфийской заповедью в несколько расширенной её трактовке.

Вернусь, однако, на более низкие ступени.

Как уже говорилось, *солнцу* присуща трансцендентность, то есть стремление выйти за некие рамки. *Луна* же склонна замыкаться на себе. В этом смысле, *Путь* становится чувством меры для обоих начал, даёт каждому из них представление о другом спутнике, ограничивает естественные эгоистические (относится больше к *солнцу*) и эгоцентричные наклонности (скорее, *лунное* качество), тем самым увлекая за собой.

В отношении *животного* и *гендерного* «я» примеры уже приводились.

Если идти дальше по нарастающей, в «я» *слуги/хозяина* для *луны* должен действовать ограничитель «Не создай себе кумира». *Солнце*, со своей стороны, должно признавать необходимость высшего авторитета, т.е. иметь понятие о покорности.

В «я» *творца* *Путь* будет проявляться примерно следующим образом. Ориентиром для творческого вдохновения или наития — даров *луны* — будет уже означенная благоприятность. Кроме того, вдохновение должно быть выражено, а не томиться в плену воображения, поэтому *Путь* его будет как бы «выталкивать» к *солнечному* свету. С другой стороны, *солнце* должно выражать то, что имеет под собой какую-то реальную основу, а не «пускаться во

все тяжкие», т.е. излучать свои собственные смыслы. Иными словами, мерой для *солнца* на этом уровне, как, впрочем, и на всех последующих, будет ощущение реальности.

Стремление к накопительству в «я» *обладателя* будет умеряться способностью довольствоваться малым. Благодаря этому *луна*, «насытившись», будет более склонна отдавать, т.е. проявлять щедрость. Её *солнечным* эквивалентом будет чувство достоинства, основанного на умеренности и каких-то более высоких истинах. Выход за эти рамки будет означать излишнее тяготение в сторону символического — статуса, компетентности, превосходства.

В *семейном* «я» *Путь* будет сохранять тонкость *лунного* сияния, сиречь любви, во избежание излишнего замыкания и растворения в кровных родственных узах. *Солнце*, со своей стороны, получает понятие о взаимности чувств. В противном случае, оно склонно эгоистично эксплуатировать других. Примерно тот же принцип работает в *социальном* «я», только в более широком контексте.

Что касается *созерцательного* «я», здесь *луна* тяготеет к весомости и незыблемости знания, а *солнце* будет занимать более критическую, оценочную позицию. *Путь* становится чем-то вроде третейского судьи. С одной стороны, «непогрешимость» *луны* будет испытываться новым, *солнечным* знанием; с другой, в противовес *солнцу* будет предлагаться нечто уже испытанное и сбереженное луной. Гармоничный союз *солнца* и *луны* на этом уровне достигается приверженностью обоим истине или некоему высшему порядку, во многом благодаря способности отпускать ненужный или потерявший актуальность «груз»,

иными словами — прощать.

В свете всего этого, в *Божественном «я»* объединение *солнца* и *луны* будет означать наиболее деликатное, тонкое и интимное слияние смысла и чувственной весомости. Глубокое и ясное сознание, суть *солнечный свет*, будет здесь сопряжено с тончайшей любовью — сиянием *луны*. К примеру, в буддизме подобное состояние именуется «бодхи». На языке йоги это звучит как «нирвикáльпа самáдхи» — осознание без сомнения.

Если подытожить основные качества *Пути*, освящающие гармонии *луны* и *солнца* — благоприятность, чувство меры и смиренномудрие, т.е. признание того, что есть, и покорность высшей истине.

Важный момент: покой и радость становятся более тонкими и продолжительными с каждой восходящей гармонией, а их кратковременные и грубые формы как бы будут отходить на задний план. К примеру, чувство материального достатка и семейного благополучия умеряет сексуальное влечение, однако, в свою очередь, само будет утрачивать вес из-за более высоких эмоций, в т.ч. исходящих из *социального «я»*. Скажем, ради защиты своей родины мужа и сыновья оставляют семьи и уходят на войну. *Социальное «я»* способно расшириться до всечеловеческого — надполового, надрасового, надкласового, надэтнического, надконфессионального, в котором во главу угла ставится истина, и в угоду ей жертвуется всё остальное. Во многом это происходит благодаря *созерцательному «я»*. Сократу принадлежат слова: «Платон мне друг, но истина дороже». Есть более жёсткое евангельское высказывание, передающее тот же смысл:

«Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не

достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня».

Вероятно, эта истина должна смягчиться тем, что взамен всему, приносимому ей в жертву, даётся нечто настолько умиротворяющее и прекрасное, что должны затянуться все полученные на пути к ней раны. В том случае, конечно, если берётся последняя высота.

«««« »»»»

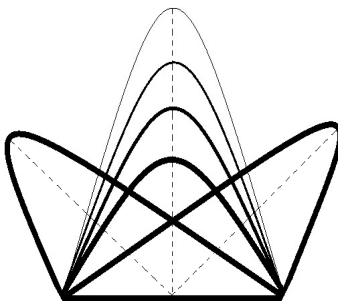
Следование *Пути* вплоть до достижения каких-то сияющих высот — это идеальный сценарий. Однако, как это нередко бывает с идеалами, происходит это крайне редко. Что бы там ни говорили последователи суфийской и прочих традиций, есть ещё одна фраза, перечёркивающая многие благие начинания: «Человеку свойственно ошибаться», читай — отклоняться.

Верным признаком отклонения будет несостыковка *солнца* и *луны* на какой-то высоте и, как следствие, излишнее притяжение или подверженность каждого из них более грубому «излучению» своего компаньона. Иными словами, при отклонении от Пути возникает некая дисгармоничность. Ранее я сравнил это отклонение с качанием маятника. Чтобы как можно лучше запечатлеть эту динамику, необходимо добавить сюда ещё несколько штрихов.

Читателю предлагается немного пустить в ход воображение, представив пружину в форме дуги, прикрепленную обоими концами к горизонтальной плоскости. В верхней точке дуги будет что-то вроде перемычки, разделяющей её на две равные стороны или боковины. Через центр дуги будет проходить вертикальное силовое поле, постепенно и

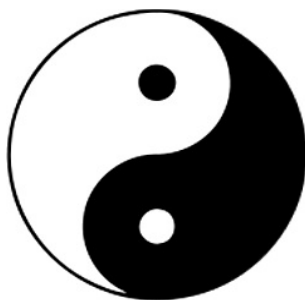
равномерно поднимая пружину, сближая её боковины и тем самым предохраняя их от чрезмерных колебаний.

При настойчивых попытках одной из боковин «перетянуть одеяло» на себя и уклониться от силовых линий поля — подобное своенравие также необходимо учесть в воображаемой картине — она будет в той или иной мере лишаться его поддержки. Кроме того, ограничителем и противовесом отклонившейся стороне становится одновременно её собственное основание и другая боковина. Последняя будет натягиваться сильнее, тем самым увеличивая свою «потенциальную энергию». Если курс движения не меняется в сторону центра, то происходит неизбежное колебание или схлопывание пружины в противоположную сторону — наискось вниз. Стоит подчеркнуть: схлопываются *обе* стороны, вопрос лишь в уклоне. Вероятно, нетрудно догадаться, что пружина символизирует взаимосвязь *солнца* и *луны*, двух боковин, в силовом поле Пути. Ниже очень схематично показана эта «эквилибристика»:

Если ещё слегка пофантазировать, *солнечная* сторона будет иметь довольно мало изгибов, и, в основном, это

касается только её *нити* или верхней части. У самого же основания она подобна прямому, толстому *жгуту*. Лунная боковина целиком спиралевидна, начиная от больших, тяжеловесных *колец* вплоть до более лёгких и маленьких *витков* в верхней её оконечности. По большому счету, к восхождению стремится или склонна лишь верхняя часть пружины благодаря *отпечаткам*: некоторая витиеватость *нити* свидетельствует о наличии в ней частичек *луны*, а более лёгкие и подвижные *витки* — о содержании в них золотых крупиц *солнца*. Именно это делает возможным более глубокое взаимопроникновение и сопряжение светил. Даосский символ «инь-янь», в котором каждое из начал содержит в себе частицу своей противоположности, в общем, отражает этот принцип:

Что касается нижних частей — *жгута* и *колец* — они слишком поляризованы, чтобы нести в себе *отпечатки*. В этой связи, поиск своей противоположности или дополнения на этом уровне направлен практически полностью вовне.

Переводя всё это на нормальный, человеческий язык, уровень *жгута* и *колец* означает удовлетворение базовых потребностей в безопасности, довольно приземлённые

удовольствия, заботу о статусе, а также относительно грубые эмоциональные привязанности и наития. *Витки* и *нить* сообщают жизни более высокий смысл, будь-то создание произведений искусства, стремление к более справедливому мироустройству, поиск научной истины или истины в некоем абсолютном значении, подкреплённый более тонким чувством вдохновения, любви и сопричастности. Вкратце, они становятся источником идеализма посреди тривиального, низменного, будничного.

Перед тем, как двинуться дальше, хотелось бы дать более чёткое определение «отклонению». Как уже говорилось, отклонение происходит в результате несостыковки *солнца* и *луны* на некоей высоте, если более конкретно — между *нитью* и *витками*. Однако, возможна и более незамысловатая ситуация — преобладание гармоний *жгута* и *колец*. Возможно, это прозвучит довольно резко, но, по сути, это означает животную или полуживотную жизнь. Памятуя о гармонии между внутренним и внешним, в частности, *внешностью*, человеку подобное существование не к лицу. В этой связи, более уместным здесь будет говорить не об отклонении, а *перевороте*, т.е. приоритете грубого над тонким. Кроме того, если отклонение приводит к дисгармонии, то *переворот*, в каком-то смысле, есть гармония, но очень хрупкая, лишенная утончённости. Речь здесь не о том, чтобы грубым материям не быть — дело в *приоритете*. Так или иначе, отныне *отклонением* будет обозначаться приоритет возвышенных вещей, но не совсем в здоровой форме; *переворотом* — главенство низменных вещей в ущерб более возвышенным.

Кажется, наступил подходящий момент перекинуть мостик между предыдущей частью повествования и всей новой

«терминологией» или, если угодно, жаргоном. Низу пружины, то есть *жгуту* и *кольцам*, будет соответствовать *животное* и *гендерное «я»*, а также «я» *слуги/хозяина*, «я» *творца* и «я» *обладателя*. Условный водораздел между низом и верхом будет проходить через *семейное «я»*. Иными словами, для обретения человеческого подобия нужна, как минимум, любовь и ответственность по отношению к другим живым существам.

Верх — *нить* и *витки* — охватывает собой *социальное* и *созерцательное «я»*, в некоторых случаях дотягиваясь до Божественной высоты.

«*««« «»»»*»

Если «скрестить» всё это с предлагаемой читателю космологией, во многом согласующейся с воззрениями Даниила Андреева, то грубоматериальные и инфрафизические миры будут соотноситься по большей части или исключительно со *жгутом* и *кольцами* и находящимися в их ареале «я», от «я» *животного* до «я» *обладателя*; миры восхождения — с *нитьями* и *витками*, а также сопутствующими им более высокими «узлами» самости. Религии правой руки по сути задействуют *нить* (высокие идеи и принципы) и частично *жгут* (дисциплину) для контроля грубых страстей и сопротивления инертности, исходящих от *колец*. Предполагается, что благодаря этой практике создаются необходимые духовные условия для *витков*, т.е. более возвышенных эмоций, которые даруются как бы в награду за претерпевание не совсем естественной, регламентированной жизни, лишённой *чувства потока* (об этом несколько позже).

Однако, всё это по-прежнему не объясняет разделение религий на правую и левую руку. Здесь приходит на

выручку достаточно классическая схема «тонкой анатомии» человека, используемая в индуистских эзотерических школах, скажем, в той же тантре:

Жгут и *нить* соответствуют в этой схеме «пингала-нади» или правому энергетическому каналу, а *кольца* и *витки* — левому «ида-нади», двумя спиралями поднимающимся от промежности до лба. Что касается всего спектра «я», от *животного* до *Божественного*, так или иначе они будут ассоциированы с «чакрами», энергетическими центрами, вдоль оси «сушумна-нади» или центрального канала — инструмента срединного пути или *Пути*. Напомню, именно *Путь* является эталоном и точкой отсчёта для, скажем так, допустимых движений и отклонений *солнца* и *луны* вправо и влево.

Хотя формально религии правой руки акцентируются на *нити* и *жгуте* правого пингала-нади, без *витков* левого ида-нади, проще говоря — любви, духовное восхождение будет дисгармоничным, а значит, в лучшем случае, ограниченным, в худшем же — чреватым «схлопыванием» наизкозь вниз, как это описывалось ранее, в

сторону грубых страстей и косности *колец*. Иными словами, путь правой руки — правый лишь до определённой точки, после которой должна произойти «отцентровка» и гармонизация с левой рукой. На мифологическом языке, слишком большой уход «вправо», т.е. к *солнцу*, и то, чем всё это может венчаться, отражено в истории об Икаре. Воск, скрепляющий его крылья, читай *отпечатки витков*, не смог выдержать палящих лучей, и упавшего и разбившегося Икара, в конечном итоге, поглощает море, читай *кольца*. По крайней мере, лично мне это видится так.

В продолжение о *кольцах* и их спутнике *жгуте*, в инфрафизических мирах, которые, к сожалению, нужно также принимать во внимание, они ещё более огрубевает и деформируются. Практически, это выражается как властолюбие, холодный интеллектуализм, безжалостность, вероломство, садизм, цинизм, глумливость, чрезмерная похотливость и половая извращённость в самом широком смысле. В демоническом мире рост происходит как бы наоборот — по перевёрнутым «анти-гармониям», что в т.ч. усугубляет означенные качества. Если их кто-то в себе подмечает, по отдельности или вкуче, то должен отдавать себе отчёт в том, с какими планами бытия он, вероятно, находится в тесных сношениях.

Взаимодействие между *солнцем* и *луной* вне зависимости от их грубости или тонкости можно ещё рассматривать с точки зрения «питательности». Скажем, у Даниила Андреева есть такой термин как «гаввах», т.е. излучение страдания — по сути, это *лунная «пища»* садистического *жгута*. «Шаввой», излучением подобоострастия, будет трапезничать властолюбивый *жгут*. И так далее. По большому счёту, *луна* подпитывается от *солнца* его огненностью, возможностью благодаря ему реализоваться, ощущением безопасности, чувством восхищения перед *солнечной* силой и мастерством, на более высоком

уровне — благородством. Для *солнца* — это, в первую очередь, наслаждение *лунной* красотой, умерение своей несколько мучительной огненности, ощущение большей весомости или вещественности. Таким образом, один из главных признаков дисгармоничности отношений между «светилами» — односторонность питания или питание одного за счёт «голодания» или «истощения» другого.

Для полноты моей космологии или космологии, *какая она есть*, осталась вставить несколько мозаик. Одна из них — «серая зона» между Богом и дьяволом, т.е. отсутствие чёткого «да, да» и «нет, нет» по ключевым вопросам. Об этом уже вскользь упоминалось где-то вначале с обещанием более детального рассмотрения и привлечением к этому всему Юнга. Жить в «серой зоне», помимо прочего — это не вполне осознавать содержимое собственной души, не проживать и не достигать того, что надлежит по высшей логике развития самости (индивидуации по Юнгу), более того, всячески этому противиться — подавлять и вытеснять то, что не должно подавляться и вытесняться, рационализировать или оправдывать вещи, которые оправданию не подлежат. В самости ключевую роль в этом играет *созерцательное «я»*, которое должно наблюдать, думать, взвешивать, сопоставлять, учиться принимать в расчёт множество факторов, в т.ч. конфликтующих, выстраивать причинно-следственные цепочки, склоняться к единственно верным решениям и поступкам в тех или иных ситуациях, в конечном итоге, говорить чему-то «да, да» или «нет, нет» исходя не из сиюминутности, не под влиянием *животного «я»* или *гендерного «я»*, или *«я обладателя»*, а каких-то более

высоких соображений, здравости, мудрости. Здесь идёт и выстраивание определённого отношения к содержимому своего внутреннего мира — чему давать добро, что цензурировать, что игнорировать, т.е. моментально «отдёргивать» внимание. К вниманию, как было обещано, ещё вернусь.

Итак, по логике развития самости — с точки зрения Того, кто направляет этим развитием и является его целью — «серые зоны» должны максимально высветляться на основе предельной честности, в первую очередь, перед собой, и какого-то здравомыслия. Скажем, весь Коран усеян призывами к «обладателям разума», не в ущерб, конечно же, сокровенному сердцу. Этому вторит евангельское «Будьте чисты, как голуби, и мудры, как змеи». Гармония ума и сердца, *нитей* и *витков*, не единожды уже упомянутая.

Возвращаясь к Юнгу, он предложил следующую рабочую формулу: всё то, что не осознаётся и не проживается *внутри*, становится *внешней* судьбой. Иными словами, тот, кто внутренне отказался от высокой участи, т.е. развития своих более высоких «я», становится намного более манипулируем или зависим от внешних обстоятельств. К слову, сказка о трёх поросятах, где домики из соломы и дерева оказываются очень ненадёжны, и спасение можно найти только в каменном — именно об этом. Спектр этих внешних обстоятельств широк: от «шпыняния» на работе до попадания под влияние деструктивных идеологий. Если более стихотворно, не прожитые, не интегрированные в самость более высокие «я», будут болтаться подобно хлястикам:

*...И снова про ниточки, хлястики, хвостики,
Которые выпрастываются*

*Даже сквозь кожу, сквозь майки, сквозь шубы
И превращаются в заправские джойстики
Судьбы. Об этом чуть позже.*

*Мысль, не доведённая до конца,
Превращается в хлястик.
Эмоцию, не пережитую до рубца
На сердце, ищите в соннике
Как какого-нибудь прохвоста.
Я видел одного, скалящего зубы
На подоконнике.*

*И вот ты идёшь, а из тебя сочится
Не додуманное, не пережитое,
И ты путаешься в хлястиках,
Спотыкаешься такой потешный,
И, вдруг, тебя за них хватают грубо
И волочат. Тебе — остаётся волочиться.*

*(Может схватить и Бог
За хóхол лживый, грешный)*

*Или, чудом от всех увернувшись,
Ты прибегаешь к ослику Иа-Иа и говоришь,
Мол, возьми себе мои хлястики,
Забери себе все мои хвостики.
И осёл, вероятно, согласится,
Но судьба мягко скажет: "Шиш".
Ибо всё надо разруливать самому.*

К «хлястикам» также относятся вытесненные из своего сознания какие-то нелицеприятные вещи о себе, т.е. непризнанные и непроработанные слабости и пороки, скажем, зависть, жадность и т.д. Всё это вкупе с «аборти-

рованными» более высокими «я» формирует то, что в юнгианской психологии именуется «тенью». Сама по себе, она, вероятно не несёт большого зла — главная её опасность в том, что она открывает портал в тёмные, демонические миры. По Юнгу, к примеру, нацисты смогли прийти к власти в Германии во многом потому, что индивидуальные тени немцев сложились в коллективную, тем самым создав благоприятную почву для сверхчеловеческого, демонического зла...

Если исходить из принципа «что наверху, то и внизу», если рассматривать человека как микрокосм, созданный по образу и подобию некоего макрокосма, т.е. Высшего космического существа, в индуистской традиции ему будет соответствовать *Вират* или *Вишну*, по Даниилу Андрееву, вероятно, одна из величайших богорождённых монад. Как в человеческом теле заключены органы, в т.ч. больные, с проходящими в них дегенеративными процессами, равно как и продукты жизнедеятельности и распада, так и в Его космическом теле пребывает всё сущее, т.е. все миры от демонических до Божественных, все виды взаимоотношений *солнца и луны*, вся ось «я», а также *Путь*, но в космических масштабах. Вишну или Великий Йог, в свою очередь, является не верховным существом, а как бы инструментом выражения извечного тандема Саада Шивы и Ади Шакти, Бога Отца и Богини Матери. Он как бы является Отцом, т.е. в Нём более всего выражен извечный отцовский принцип, но над Ним довлеет, или рядом с Ним «соседствует», высший Абсолют. Что касается извечного Святого Тандема, переходящего в Святую Троицу, Андреев пишет об этом следующее:

«««« »»»»

...Я подхожу к решающему тезису. И всё же, сколь бы ни был он важен, я едва смею сказать о нём несколько слов.

Почти 2000 лет существует догмат христианского учения, которого сейчас придётся коснуться. Подвергались сомнению самые различные догматы Символа веры, из различных их пониманий возникали расколы, секты, ереси; даже ничтожнейшие обрядовые различия перерастали порой в настоящую пропасть, отделявшую схизматиков от господствующей церкви. Но за все девятнадцать веков никогда, кажется, не появлялось разногласий о том, что считалось основой основ: о трёх ипостасях Пресвятой Троицы — Боге-Отце, Боге-Сыне, Боге-Святом Духе.

Подвергать историческому или психологическому разбору факт возникновения в христианской церкви именно такого понимания Троичности мне не хотелось бы. Ни необходимых материалов, ни нужной для этого эрудиции у меня нет. И даже если бы я обладал тем и другим, мне страшно было бы коснуться ланцетом рассудочного анализа таинственнейших духовных глубин, где возникала и определялась в первые века после Христа эта идея.

Позволю себе только напомнить одну страницу евангельской истории, которая указывает, как мне кажется, не в сторону такого понимания тайны Троичности, а в иную. Каноническими евангелиями (от Матфея и от Луки) утверждается ясно и отчётливо зачатие Младенца Иисуса Девой Марией от Святого Духа. Таким образом, можно заключить, что не Бог-Отец был Отцом Христа как человека, но Святой Дух. Однако как же это? Предвечное рождение Бога-Сына от Бога-Отца могло ли иначе

выразиться мистериально в историческом, человеческом мире, как только рождением человека Иисуса от сил Той же ипостаси? — Но нет, евангельский рассказ совершенно отчётлив. Неотчётливо другое: понимание третьей ипостаси церковью христианской. За всю историю церкви догмат о третьей ипостаси так и не был разработан. Даже поражает контраст между подробнейшей — может быть, даже слишком подробной — разработкой учения о Боге-Сыне — и почти пустым местом, каким являются догматические формулы о Святом Духе. Но ничего странного, в сущности, тут нет. Не случайно христианская религия сама именовала себя именно христианской: кроме указания на её происхождение от Христа, в этом наименовании заключено было отражение того факта, что эта религия есть откровение Бога-Сына по преимуществу, то есть не столько религия Троицы, сколько именно Сына. Отсюда и эта чрезмерно туманная обобщённость, неясность, отсутствие полноты, а иногда и противоречивость в догматах, касающихся других ипостасей.

Ведь кем может быть Сам Бог-Отец, как не Духом? Только Духом. И притом именно Святым, в отличие от всех других духов, им сотворённых, ибо каждая из богосотворённых и даже богорождённых монад может совершить — и многие совершили — отрицательный выбор, богоотступничество; Отец же — совершенно очевидно — не может отпасть от Самого Себя. Он первичен, неизменяем, незамутним и неомрачим, и именуется Святым именно в этом смысле. Какое же положительное содержание можно вложить в отвлечение от Бога-Отца двух Ему изначально присущих свойств — Его духовности и Его святости? Где основания для того, чтобы этому отвлечению придавать совершенно автономное значение в качестве третьего лица Троицы?

Вообще, почему, на каких словах Христа, на каком свидетельстве четырёх евангелий можно основать учение о том, что Бог-Отец есть одна ипостась Троицы, а Святой Дух — другая? В евангелиях на это указаний нет. Слова Иисуса, приводимые в качестве обоснования, это Его известное пророчество: «Пошлю вам духа утешителя, он же наставит вас на всякую истину». Из различного толкования именно этих слов возник даже великий раскол, что рассёк единое тело христианской церкви на восточную и западную половины; но при этом оба толкования исходили из общего постулата: из неоспоренного почему-то никем положения, будто здесь Иисус подразумевает под духом-утешителем именно Третью ипостась. Но ведь в этих словах нет и тени указания на то, что утешитель, которого пошлёт Воскресший Спаситель, есть Третья ипостась и вообще ипостась. Нет здесь указания и на то, что под выражениями «Дух утешитель» и «Бог Святой Дух» следует понимать одно и то же. Разве не естественнее и не последовательнее, не понятнее со всех точек зрения совсем другое решение: именно, решение в том смысле, что Бог Святой Дух именно и есть Бог-Отец, ибо Бог-Отец не может быть кем-либо иным, как Святым и Духом.

Опять-таки, я касаюсь здесь таких корней великого учения, противопоставляю одинокий голос такому могучему, необозримому хору, звучащему столько веков, что не может быть сомнения в характере отзывов на него, даже если он будет кем-либо услышан. Я даже понимаю, что в глазах некоторых окажусь повинен в великом духовном преступлении и мне будет приписан единственный непрощаемый (по Евангелию) грех: хула на Святого Духа. Заявляю торжественно: поклоняюсь Святому Духу, чту Его и молюсь Ему с таким же благоговением, как другие

христиане; и не могу видеть не только хулы на Него, но ни малейшего принижения Его образа в той идее, что Он есть Бог-Отец и что Бог-Отец есть Бог Святой Дух, что это — два именованья одного и того же — Первого — Лица Пресвятой Троицы.

И подчеркиваю, что высказываю здесь своё личное мнение, ни на что не претендующее. Правда, мнение это представляется мне выводом, к которому со временем должны будут прийти многие и многие. Подтверждено оно было и той высшей инстанцией, которая остаётся для меня единственным решающим авторитетом. Но я считаю, что никто не уполномочен настаивать на единственной и абсолютной правильности этой идеи, на её догматической обязательности. Законной, общеочевидной инстанцией, полномочной разрешить такой вопрос, мог бы быть Восьмой Вселенский собор, где представители всех ныне существующих христианских вероисповеданий и Роза Мира подвергли бы обсуждению этот тезис, равно как и тезис об абсолютной истинности и неотменимости постановлений вселенских соборов вообще, и, быть может, пересмотрели бы некоторые пункты ортодоксальной догматики. Пока же этого не свершилось, никто в Розе Мира не может утверждать полную ошибочность старого догмата: можно только верить так, как подсказывает совесть и собственный духовный опыт, и работать для воссоединения церквей, для разрешения всех недоумений.

Однако высказанная здесь идея открывает путь к решению другой, не менее кардинальной проблемы.

Известно, что от гностиков до христианских мыслителей начала XX века в христианстве жило смутное, но горячее,

настойчивое чувство Мирового Женственного Начала — чувство, что Начало это есть не иллюзия, не перенесение человеческих категорий на план космический, но высшая духовная реальность. Церковь намеревалась, очевидно, дать выход этому чувству, освятив своим авторитетом культ Богоматери на Востоке, культ Мадонны — на Западе. Действительно, перед благоговейным почитанием Материнского Начала — почитанием, иррационально врождённым народной массе, — возник конкретный образ, к которому оно и устремилось. Но то мистическое чувство, о котором я говорю, — чувство Вечной Женственности как начала космического, божественного, — осталось неудовлетворённым. Ранняя и непререкаемая догматизация учения об ипостасях поставила носителей этого чувства в своеобразное положение: дабы не отпасть в ересь, они принуждены были обходить коренной вопрос, не договаривать до конца, иногда отождествлять Мировую Женственность со Вселенской Церковью или же, наконец, совершать отвлечение одного из атрибутов Божества — Его Премудрости — и персонифицировать это отвлечение, наименовав его Святой Софией. Высшие церковные инстанции избегали высказываться по этому вопросу сколько-нибудь определённо, и это не может быть поставлено им в вину, ибо идея Мировой Женственности не может не перерасти в идею Женственного аспекта Божества, а это, естественно, грозит ломкой догматизированных представлений о лицах Пресвятой Троицы...

...Я встречал немало людей, в культурном и умственном отношении весьма утончённых и обладающих несомненным духовным опытом и, однако же, удивлявшихся и даже оскорблявшихся самым принципом: переносом, как им казалось, различий пола и вообще человеческих

категорий на миры высочайшей реальности и даже в тайну Самого Божества. Им это представлялось следствием древней склонности к антропоморфизации духовных сфер нашим ограниченным человеческим сознанием. Из весьма схожих (психологически) источников вытекает, между прочим, протест строгого магометанского монотеизма против идеи Троичности и против культа Богоматери. И потому же с такой нетерпимостью отталкиваются деизм и современный абстрактный космополитический монизм от представлений о Троице, от веры в иерархии и, конечно, от идеи Вечной Женственности. Повторяется, как это ни смешно, даже обвинение в многобожии, брошенное христианству Мухаммедом 1300 лет назад.

В основе подобных обвинений лежит либо слишком упрощённое понимание христианских идей, либо нежелание вникнуть в глубину вопроса. Ни в историческом христианстве, ни тем менее в данной концепции, никакого переноса человеческих категорий на Божество нет, а есть нечто принципиально обратное. Единство Божие не подвергается, разумеется, ничьему сомнению: наивно было бы искать здесь возвращения ко временам Карфагена, Ура или Гелиополиса. Ипостаси — это различные выявления Единой Сущности вовне; это — то, как открывается Она миру, а не какую пребывает в Себе. Но выявления вовне столь же абсолютно реальны, как и пребывание в Себе; поэтому ипостаси не могут быть приняты ни в коем случае за иллюзии или за аберрации нашего сознания.

Выявляясь вовне, Единый проявляет некую присущую Ему внутреннюю полярность. Сущность этой полярности внутри Божества для нас трансцендентна. Но, выявляясь вовне, она воспринимается нами, как полярность двух друг к

другу тяготеющих и друг без друга не пребывающих начал, извечно и присно соединяющихся в творческой любви и дающих начало третьему и завершающему: Сыну, Основе Вселенной, Логосу. Истекая во вселенную, божественность сохраняет эту присущую ей полярность; ею пронизана вся духовность и вся материальность вселенной. На различных ступенях бытия она выражается различно. В слое неорганической материи, который доступен всеобщему человеческому восприятию, её можно усмотреть, вероятно, в основе того, что мы именуем всеобщим законом тяготения, в полярности электричества и во многом другом. В органической же материи нашего слоя, здесь, эта полярность Божественного проявляется в противозначности мужского и женского начал. Повторяю и подчеркиваю: здесь, ибо лежащая в основе этой противозначности полярность Божества, сама в себе, в своей сути, не может быть понятна.

Вот почему Божественную Женственность мы именуем Матерью Логоса и через Него всей вселенной. Но извечный союз между Отцом и Матерью не изменяет Её предвечной сущности; именно поэтому мы именуем Мать миров Приснодевою.

Таким образом, в учении о Троице и о Женственном аспекте Божества наличествует не перенесение «слишком человеческого» на сферы горние, а, напротив, понимание объективной полярности наших слоёв — мужского и женского начал — как проекции непостижимой для нас полярности в существе Бога. «Бог есть любовь», — сказал Иоанн. Будут сменяться века, потом зоны, наконец, брамфатуры и галактики; каждый из нас, рано или поздно, достигнет Плеромы — божественной Полноты и вступит в родимое Лоно уже не только как дитя, но и как брат

Божий; наши нынешние представления о Божестве исчезнут из памяти, как бледные, отцветшие, ненужные больше тени; но и тогда истина о том, что Бог есть любовь, не утратит своей истинности. Бог любит не Себя (такое предположение было бы кощунственно), но Каждая из таящихся в Нём Непостижимостей обращена любовью на другую, и в этой любви рождается Третье: Основа Вселенной. Отец — Приснодева-Мать — Сын.

Высочайшая из тайн, внутренняя тайна Божества, тайна любви Отца и Матери, отнюдь не «отражается» в человеческой любви, какой бы то ни было: ничто в мире конечном не может быть соизмеримо или подобно сущности этой тайны. Но и ничто в мире, за исключением того, что исходит от начал богоотступнических, не может быть сторонним по отношению к этой тайне. В человеческой любви вообще, то есть в любви ко всему живому, выражается (а не отражается) существо Триединого — существо, которое есть любовь. В любви же мужчины и женщины выражается (а не отражается) внутренняя тайна союза Отца и Матери в той мере, в какой она нас достигает, будучи преломлённой множеством слоёв космического ряда. В этом и заключается коренное, онтологическое различие двух областей нашей духовной жизни, не имеющих между собой почти ничего общего, но на нашем нищем языке выражаемых одним и тем же словом...

«««« »»»»

Коль скоро в мироздании *солнце* является проявлением или отражением Отца или извечного мужского принципа, *луна* — Мировой женственности или Великой Матери, то *Путь* во многом — это Сын, по крайней мере, в

том, что касается благоприятности и смиренномудрия (стоит также учесть и евангельский стих, что Отец отдал Сыну весь суд). По словам Шри Матаджи, именно благодаря тому, что творения пребывают в поле Сына, пронизывается Сыном (некоторые имеют полную свободу находиться и *вне* этого поля), Бог способен испытывать к ним отцовские или, если угодно, материнские чувства. В индуистской традиции Сыну соответствует *Ганеш*, в христианской — Христос. Наряду с Вишну Его можно считать ещё одной великой богорождённой монадой или планетарным Логосом по Андрееву. Однако, в отличие от Вишну-Отца, в Нём наиболее ярко проявлен сыновний принцип. Когда Христос говорит, что никто не приходит к Отцу иначе, как через Сына, то это не преувеличение — конечно, если при этом осознавать масштаб личности Христа, далеко превосходящий исторического Иисуса из Назарета, и видеть в Нём, в первую очередь, *Путь*, гармонизирующий и облагораживающий *солнце* и *луну*, *Дух*, который дышит, где хочет, а не посещает исключительно тех, кто причащается хлебом и вином:

*Мне говорят, я — безнадёжный случай,
Пропал, погиб. Но брезжится картина:
Два тысячелетия назад распят безвинно
Спаситель мира на голгофской круче,

Чтобы воскреснуть {внутри нас}. И нет прохода
Иного к Богу, кроме как сквозь двери,
Что открываются лишь калькою с Вечери,
И что ни сок, ни индуистский мóдак,

Ни мусульманский финик, никакая фи́га
Не вознесётся фимиамом к Небу.
Так пристрастился, видимо, к вину и хлебу*

Создатель мира, что сошёлся на них клином.

*И я представил, спекши слабый разум:
Существовала минус бесконечность Бога,
Но, зная, добравшись до церковного порога,
Она споткнулась об него и спрессовалась*

*В деноминацию... От этой мысли
Внутри меня всё сжалось келейно,
Я захотел укрыть Христа за пазухой своей, но
Он посмеялся в моих атомах, в своей Выси.*

Как будто проговорено всё самое важное, что необходимо понимать о мироздании: о его Создателе, о его самых базисных, онтологических компонентах и динамике отношений между ними, о телеологии, т.е. движении творения к Божественному «я» в поле *Пути*, о возможных отклонениях от *Пути* и предпосылках для этого, а также подстерегающих на этом пути опасностях. Вероятно, для полноты картины ещё стоит сказать о реинкарнации или перевоплощении душ как одном из механизмов их эволюции... либо деградации.

Согласно христианскому мировоззрению, задатки нерождённой ещё души и, по крайней мере, некоторые события в жизни уже рождённой, предопределяются Богом. Учитывая, что некоторые люди ещё с малых лет проявляют демонические качества, рождаются серьёзно больными, умственно отсталыми, попадают в жутчайшие условия и перипетии и т.д., в то время, как другие относительно благоденствуют, то если не благодать, то справедливость Бога христианским апологетам прихо-

дится, что называется, высасывать из пальца. Некоторые умы это несоответствие между заявленным о Боге и трагичной действительностью ввергает в цинизм и безверие в то время, как реинкарнация и тесно связанное с ней понятие кармы как бы несколько отодвигают Бога на второй план и выводят на передний — личную ответственность самости. Для Артура Шопенгауэра, к примеру, восточная духовность и идея реинкарнации и кармы в частности стала огромным утешением и примирило его если не с христианским Богом, то по крайней мере, с Богом, *каков Он есть*. Хотя стоит признать, что и в реинкарнации с человеческой колокольни тоже не всё «слава Богу». Собственно, об этом нижеследующее эссе.

««»»»

Понятие реинкарнации и тесно связанной с ней кармы — лес довольно тёмный с точки зрения реинкарнируемого. Или -щегося. Да, некая совокупность душевных наклонностей и качеств, интеллектуальных задатков, а также предрасположенности к тем или иным телесным характеристикам и иным жизненным обстоятельствам кочует из воплощения в воплощение, опять-таки, меняясь, трансформируясь по ходу дела, кармические узлы завязываются, кармические узлы развязываются. Ваша станция Площадь революции. А ваша — Лубянка, на выход с вещами. Но все эти процессы зачастую настолько неочевидны сознанию, что извлечение сознательных, мало того, правильных уроков (польза бессознательных, а тем паче неправильных представляется слишком эфемерной) есть во многом результат счастливого стечения обстоятельств, а не какой-то выверенной учебно-методологической схемы. Это больше похоже на то, как слепого щенка бросают в море и ожидают, что он

превратится в дельфина. На худой конец, в водолаза.

Если говорить, к примеру, о кармическом наказании, то всё, что имеет какую-никакую нервную систему, от примитивной до самой развитой, страдает просто по факту жизни: от холода или жары, голода или превращения в чей-то обед, болезней, увечий и ранений от несчастных случаев и стихийных бедствий, родов (пока относится только к женщинам), смерти, своей или близких. Те, кто обладает каким-никаким сочувствием, с большей или меньшей интенсивностью страдают страданиями других, которые им кармически как бы и не предназначены. Как отделить все эти страдания, достаемые большинству живых существ «по умолчанию», от кармических? И каким внутренним стержнем всё это претерпеть?

Более того, наказание не всегда означает страдание как таковое. Говорят, человек за свои проступки, читай смертные грехи, в прошлой жизни, в следующей может родиться слабоумным. Или какой-нибудь собакой динго (Атавизм. Ааа). Выходит, вроде как наказание. Но что именно в этом старом-новом существе ощутит униженность его положения и/или повернёт его слабо мерцающий ум в нужное русло, особенно если этот ум — собачий? Не случайно здесь подчёркивается сознательность, поскольку кармические последствия, по идее, есть результат сознательного свободного выбора. В противном случае, получается полная бессмыслица, вернее, Божественный произвол.

Далее. Допустим, с кем-то происходит нечто вопиющее, т.е. страдание сверх обычной нормы. Не буду приводить конкретные примеры, их в этом мире переизбыток. Будет ли это непременно означать, что страдалец что-то

подобное причинил кому-то когда-то в одном из своих предыдущих воплощений? Следуя этой логике, его жертва, в свою очередь, тоже вкусила это неспроста и т.д. Так мы доходим до перволюдей, т.е. людей, воплощённых на земле впервые, и всё равно получается, что кто-то когда с кем-то совершил нечто ужасное в первый раз, т.е. пострадала невинность. Если пострадала невинность когда-то давным-давно, почему бы ей не пострадать и недавно? Или прямо сейчас? Когда Серафима Саровского избивали разбойники — какую он «отработал» карму? В конце концов, Христа-то точно распяли не из-за каких-то кармических пут.

Короче говоря, отделение кармы от не-кармы, по крайней мере, для обычного человеческого сознания, задача практически непосильная. И потом, даже если кто-то жестоко страдает из-за кармической предопределённости, т.е. как бы заслуженно, разве это повод лишить страдальца своего сочувствия, особенно, если первопричины страдания неочевидны? То, что в круговерти жизни может страдать невинность и особенно не бедствовать виноватость, я, смею полагать, проиллюстрировал.

Понять реинкарнацию, насколько это вообще возможно, никак нельзя без учёта ещё одного «маленького» обстоятельства — Бога. Если Он созерцает слабоумие тех, кто в прошлой жизни надругался над своей и, возможно, чужой божественностью, Ему этого может быть более, чем достаточно. В Коране говорится, что Бог лишает грешников разума — если угодно, это Его способ выразить им своё презрение.

Иного рационального объяснения, почему в наказание могут рождаться слабоумными или деградировать до

животных, у меня лично нет. По Рембó, только Бог имеет удовольствие видеть справедливость в этом мире. Пожалуй, Рембó был прав.

Почему Бог позволяет невинности страдать не смотря на своё всемогущество? Если кардинально сменить ракурс (как это делает Виктор Франкл в своей «Сказать жизни «Да»») и посмотреть на всё это глазами не-я, то эти, страдания, в первую очередь, происходят в «теле» Бога как своего рода нервные импульсы, особенно, если попирается невинность. Иными словами, Он воспринимает это страдание, в первую очередь, на свой собственный счёт, как тот, у кого болит палец или, скажем, сердце. Клеточкам в Его теле, принимающим на себя основной удар, от этого, конечно, не легче, хотя... и не бесконечно тяжело, если они пребывают в поле Его любви. Отринутые от Его Лица, а значит и лишённые Его любящего внимания, в каком-то смысле выкидываются и из Его «нервной системы». При этом, одни отринутые могут находиться в относительной безопасности (до поры до времени), а другие — обдываться всеми сквозняками. Т.е. карму можно ещё рассматривать как следствие «равнодушия» Бога, что добавляет к и так непростой картине дополнительное веское измерение.

При всех вопросах к довольно асимметричной карме и причудливой реинкарнации, если всё же предположить, что люди рождаются единожды и каждый человек с его жизненной траекторией вылепливается непосредственно Богом, то к Нему возникает ещё больше претензий о несправедливости устройства жизни. Почему, к примеру, одни рождаются слабоумными и тем самым ограждаются если не от жизненных трудностей, то от искушений, и как бы «автоматом» наследуют Царство небесное, а кто-то

вынужден проходить через горнило страстей и испытаний и далеко не всегда выходит победителем на другом его конце? Почему одних судьба «обносит», а других — нет? Можно, конечно, всё списать на резиновый «Промысел Божий», отогнать от себя неудобные мысли. Но уважает ли Бог тех, кто вытесняет из своего сознания подобные и иные мысли лишь из страха Ему не угодить и не попасть в рай? Друзей Иова, к примеру, которые пытались из самых благочестивых соображений сдержать лавину его причитаний и вопросов, Бог что-то не особенно погладил по голове, а Иову открылся и утешил его. Блаженны плачущие.

Напоследок, о кармических уроках. По крайней мере, можно быть уверенными в том, что Бог не ожидает от человека — не от каждого точно — умения исчислять интегралы или разбираться в тонкостях чайной церемонии. Или знать пять иностранных языков. Богатство, накопленный в сотах души мёд (по Экзюпери) выражается в ином — в смиренномудрии, искренности, открытости ума, усердии, мастеровитости, щедрости, сочувствии, сорадовании, деликатности (иногда яростности и жёсткости), в общем, в антиподах смертных грехов. Именно такой душе Бог может сказать: «Ты больше не раба». Такую душу Бог коронует. А голые или полуголые короли вынуждены вращаться в колесе перерождений. Или вертеться. До каких пор? Ну да, до Апокалипсиса и его обратной стороны — Сатья-юги, Века Истины. Христианство и индуизм нежно поцеловались.

И самый-самый постскриптум:

Пока в самолёте стюард,

*Разложивши товар на тележке,
Монотонно, монотонно его хвалит,*

*Бог христиан
Каждую душу дует,
Каждый парусник правит
Так, что кто-то стонет потом под тонной
Жести, а в ком-то сваи, ставни
Противятся вётрам свирепым,
А дети, блаженные, все, кто без шлака,
Входят не с улицы в рай — со двора,
Мимо упёртого рогом Петра,
Козерога по знаку зодиака.*

*Пока пассажиры (я, лично —
Нет) внимают стюарда речи,
Прищуриваясь, принимаюся,*

*Бог, как Он есть,
Людей скормливает карме,
Хотя тоже, блин, асимметричной.*

«««»»»

Мозаика собрана.